

сти»⁴³ самых невероятных рассказов разных авторов: «Не понапрасну говорил Гомер, что при смерти Сурпедиона шел кровавый дождь. Теперь вижу я сам, что рассказы его ложью почесть не можно»;⁴⁴ «В сем городе царствует Коронус, рожденный от Коттизиона, упоминаемого стихотворцем Аристофаном, который никогда не писал неправды»⁴⁵ и т. д. Кроме того, Осипов изображает остров, населенный Стихотворцами, о которых пишет следующее: «Все рассказываемое ими кажется им таковым на самом деле».⁴⁶

Другие тексты Осипова также прямо или косвенно подтверждают его интерес к природе лжи. Так, например, переведенная им с немецкого повесть «Похождение задом наперед, или Навыворот» не только является произведением-перевертышем, которое начинается с 50-й главы и слов: «Я умер 19 августа 1789 года в восемь часов вечера»,⁴⁷ но и целиком построено по принципу непрерывного обнаружения истинного значения происходящего. Герой повести постоянно превозносит добродетели своей жены, настоящая сущность которой тут же становится ясна для читателя. Например, при описании болезни героя: «...жена моя (...) принимала в мучениях моих нежнейшее сострадание. Посмотрели бы, как она ужаснулась, когда мой лекарь сказал ей, что надобно ему заплатить за кровопускание по одному ефимку, а за каждое промывательное и шпанскую муху по полуефимку».⁴⁸

Таким образом, следует отметить стремление Осипова как обсуждать проблемы истинности/ложности высказывания, так и проверять на практике возможности языка в этой области, обращаясь, хотя бы в переводах, к предоставляющим такую возможность жанрам. В статье о переложениях «Энеиды» Н. К. Гудзий высказал сомнение в том, «чтобы Осипов и Котляревский преследовали задачу борьбы с высокой классической поэмой, особенно принимая во внимание, что травестированная поэма была узаконена классицистической поэтикой...»⁴⁹ Тем не менее в отношении Осипова несомненно можно говорить о наличии у него некоей эстетической программы, направленной на обличение любой лжи, прежде всего путем ее обнажения, причем преимущественно средствами самого языка. Обращение к жанру ироикомической поэмы, травестики, позволяло продемонстрировать лживость поэмы героической, как произведения поэтического и метафориче-

⁴³ Там же. С. 23.

⁴⁴ Там же. С. 16.

⁴⁵ Там же. С. 27.

⁴⁶ Там же. С. 131.

⁴⁷ Похождение задом наперед, или Навыворот. Германская повесть. Перевел с нем. Н. О. СПб., 1793. С. 3.

⁴⁸ Там же. С. 7—8.

⁴⁹ Гудзий Н. К. «Энеида» И. П. Котляревского и русская травестированная поэма XVIII века. С. 132.